

КАНТОВСКАЯ ДИСТИНКЦИЯ «ДОКТРИНАЛЬНОЙ» И «АУТЕНТИЧНОЙ» ТЕОДИЦЕИ И ПРОБЛЕМА МЕТОДА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Степанов Алексей Георгиевич,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии
Казанский институт (филиал) Всероссийского Государственного Университета
Юстиции (РПА Минюста России), г. Казань, Россия

Соколов Роман Евстратьевич

кандидат философских наук, доцент, преподаватель, МАОУ «Гимназия № 5»,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка перенести кантовскую дистинкцию «догматического» и «аутентичного» истолкования из сферы теологии в сферу философии истории. Возможность такого переноса, по мнению её авторов, основана на определённой общности теологического и историософского подходов к процессу познания, в свою очередь, обусловленной эпистемической избыточностью и неисчерпаемостью их объектов. Опираясь на работу современного исследователя кантовской философии Рудольфа Маккрила, авторы статьи выступают с критикой любых попыток окончательно определить смысл или законы истории и предлагают в качестве наиболее релевантного метода исторического познания признать «аутентичное» истолкование, ограниченное рамками отдельного исторического нарратива. Такой подход к исторической реальности предполагает замену представления о существовании «одной общей истории» представлением о плюральности исторического процесса, всегда коррелятивного своей ретроспективной экспликации.

Ключевые слова: И. Кант, историческая реальность, интерпретация, доктринальный и аутентичный концепты истории.

KANT'S DISTINCTION OF "DOCTRINAL" AND "AUTHENTIC" THEODICY AND THE PROBLEM OF METHOD IN THE PHILOSOPHY OF HISTORY

Stepanov Alexey Georgievich

PhD in Philosophy, Cand.of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy,
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan,
Russia

Sokolov Roman Evstratievich

PhD in Philosophy, Cand.of Sciences, Associate Professor, teacher, MAOU
«Gymnasium №. 5», Cheboksary, Russia

Abstract. The article attempts to transfer the Kantian distinction of "dogmatic" and "authentic" interpretation from the sphere of theology to the sphere of philosophy of history. The possibility of such a transfer, according to its authors, is based on a certain commonality of theological and historiosophical approaches to the process of cognition, in turn, due to the epistemic redundancy and inexhaustibility of their objects. Based on the work of a modern researcher of Kantian philosophy Rudolf Mccreel, the authors of the article criticize any attempts to definitively determine the meaning and laws of history and suggest that the most relevant method of historical cognition is to recognize an "authentic" interpretation limited by the framework of a separate historical narrative. This approach to historical reality involves replacing the idea of the existence of "one common history" with the idea of the plurality of the historical process, which is always correlative with its retrospective explication.

Keywords: I. Kant; historical reality; interpretation; doctrinal and authentic concepts of history.

Тематизация истории в качестве объекта философского вопрошания предполагает выработку определенной трактовки смысла истории. Начиная с Блаженного Августина и заканчивая Фрэнсисом Фукуямой, философы пытались объяснить исторический процесс в целом, определив его цели и направление. Поскольку история как целое (включая и будущие события) может быть предметом лишь чисто спекулятивных размышлений, а вовсе не предметом какого-либо достоверного знания, то по аналогии с догматической установкой в теории познания, подвергнутой критике в рамках кантовского дискурса, такой подход к истории, практикуемый философией как рефлексией над историческим процессом, т. е. *метаисторией*, также можно определить как *догматический*.

Очевидно, что, даже если создатели таких концепций позиционируют себя как атеисты или материалисты, в основе такого подхода к истории всегда лежат определённые теологические представления об устройстве мира и способах его познания. Отсюда общность тех трудностей, с которыми сталкивается любая форма историософии, и теология в попытке объяснить основной предмет своего исследования: историю и Бога. Такая общность даёт нам возможность использовать опыт одной из этих дисциплин при решении проблем другой. Покажем это на примере анализа трактата Канта «О неудаче всех философских попыток теодицеи» (1791 г.), посвящённого, как это явствует из его названия, чисто теологическому вопросу: возможности осуществления морального оправдания Бога с помощью философского дискурса.

Как известно, всякая теодицея призвана ответить на вопрос: почему Бог допускает моральное зло в мире. В кантовской трактовке эта проблема приобретает форму вопрошания о «нецелесообразном» в человеческой истории. Если Создатель наделён «высшей мудростью», то он не может допустить такой нецелесообразности, однако опыт принуждает нас утверждать обратное. Следовательно, для оправдания Бога требуется доказать, что «*либо* то, что мы в этом мире считаем нецелесообразным, не есть таковое, *либо*, если оно всё же таково, оно, однако, может почитаться не за нечто созданное, а за неизбежное следствие природы сущего, *либо*, наконец, оно должно рассматриваться как созданное, однако не высшим Создателем всего сущего, а только лишь теми мировыми существами, которым так или иначе можно что-либо вменить в вину, т.е. людьми...» [1, с. 138].

Проведя анализ всех возможных видов теодицеи, пытающихся снять возникающие у нас сомнения в абсолютной мудрости Бога и разрешить возникающие отсюда проблемы, Кант приходит к выводу, что ни один из них не справляется со своей задачей. Равным образом сами эти сомнения также не способны доказать обратное: что Бог не обладает абсолютной мудростью или намеренно творит зло. Следовательно, заключает Кант, разрешить данную проблему мы сможем лишь в том случае, если сумеем показать, что наш разум абсолютно неспособен «проследить *отношение, в котором доступный когда-либо опытному познанию мир стоит к высшей мудрости*, – ибо тогда все дальнейшие попытки мнимой человеческой мудрости постичь пути мудрости Господней полностью исключаются» [1, с. 148].

Согласно Канту, мудрость Бога проявляется двояким образом: во-первых, в том нравственном законе, который он вложил нам в душу («моральная мудрость»); во-вторых, в «художественной мудрости», «выразившей себя в устройении этого мира» [1, с. 148]. Чтобы в полной мере постичь и доказать «моральную мудрость вседержителя», нам нужно было бы познать единство двух этих сфер (мира свободы и мира природы), что является непосильной задачей для человеческого существа. Поэтому любая теодицея может быть лишь «истолкованием» природной реальности в свете имеющегося у нас представления о справедливости. По мнению Канта, такое истолкование может быть либо *доктринальным*, либо *аутентичным*. Под доктринальным истолкованием, или доктринальной теодицеей, Кант понимает все те попытки оправдания Бога, несостоятельность которых он показал ранее. С точки зрения кантовского критицизма, «доктринальные

теодицеи» незаконны, «поскольку они выдвигают определяющие суждения относительно того, существуют в природе цели или нет. Для Канта все утверждения о целях в природе являются рефлексивными суждениями, валидными только с точки зрения человека». Они демонстрируют нам «не то, чем объект является “в себе” или для Бога, но лишь то, чем он является “для нас (для людей вообще)”» [2, с. 142]. Поскольку в некоторых своих коннотациях природа у Канта включает в себя и человеческую историю (именно о таком смысле «природы» здесь и идёт речь), то можно сказать, что Кант выступает против спекулятивного подхода к вопросу о смысле истории, для него этот вопрос может решаться только в контексте проблемы *истолкования* исторической реальности.

Следует, однако, уточнить, что историческая реальность у Канта не поддаётся однозначной трактовке в качестве, подчинённой принципу каузальности, как это имеет место с природной реальностью. Более того, именно существование исторической реальности (реальности человеческой истории) даёт нам право взглянуть и на саму природу с моральной точки зрения. Кант «истолковывает общий порядок истории в терминах телеологии природы» [2, с. 131], тем самым придавая самой природе некое «провиденциальное» и моральное значение, поскольку (правда, только в перспективе рефлексивных телеологических суждений) конечной целью природы становится возникновение человеческой культуры и самого человека, отличающегося от остальных животных тем, что он наделён моральным самосознанием, а потому своим существованием свидетельствует о единстве мира природы и мира свободы. Таким образом, природа у Канта обретает некий «провиденциальный план», реализуемый в человеческой истории. Постигание этого плана, однако, возможно лишь в форме всегда не до конца надёжного *истолкования* определённых исторических событий, а не в форме достоверного позитивного знания. Невозможность обретения такой надёжной достоверности в понимании «божественного промысла» демонстрирует притча об Иове, которую Кант излагает в анализируемом здесь сочинении как «аллегорическую модель аутентичной теодицеи» [2, с. 142].

Один из мотивов этой притчи состоит в том, что друзья Иова, узнав о постигших его несчастьях, в силу которых он, утратив бывшее благоденствие, вынужден страдать, отказываются верить в его моральную невиновность и рассматривают это как справедливое наказание за якобы совершенные Иовом грехи, которых они, впрочем, сами назвать не могут, но в которых он, по их мнению, тем не менее, должен покаяться, прося милости у Бога.

Такое объяснение происходящего демонстрирует суть доктринального истолкования, пытающегося судить о тех вещах, о которых мы знать явно не можем: о намерениях Бога и неизвестных никому, кроме самого человека, мыслях и поступках последнего. В отличие от своих «друзей», Иов не признаёт такого истолкования причин своих несчастий и, заявляя о своей невинности, настаивает на «непостижимости» для него этих причин. Иов руководствуется при этом своим практическим разумом, с помощью которого он и осуществляет *аутентичное истолкование* происходящего с ним. Финал этой истории, согласно Канту, подтверждает правоту Иова и показывает ложность доктринального истолкования, поскольку Иову было возвращено всё потерянное им, а лицемерные друзья, пытавшиеся заслужить милостей Бога путём его лживого оправдания и обвинявшие Иова, уличены в несправедливости самим Богом.

Смысл, который может извлечь философия истории из аллегорического прочтения библейской притчи об Иове, очевиден: как доктринальное истолкование не может постичь волю и замысел Бога, так и догматичная философия истории не может достичь достоверного знания «законов истории», поскольку сам предмет её изучения ускользает от его объективирующей рационализации. Всякий философский или квазинаучный редукционизм в сфере исторического познания может представить лишь частичную картину происходящего в истории, но не ухватить историю как таковую в её целостной реальности. Не существует одной общей истории, есть лишь бесконечное множество частных историй, в каждой из которых раскрывается только один или несколько аспектов исторической реальности как некоего «виртуального прошлого» в смысле Бергсона. Опасность спекулятивного исторического редукционизма, способного подменить для нас подлинную «историю-в-себе» фальшивым (хотя и правдоподобным) её образом, заключается не только в том, что он демонстрирует нам только отдельный аспект исторической реальности, ошибочно выдавая его за её сущность, но и в том, что из представленной им картины истории выпадает человек с его свободной волей и моральными качествами, в результате чего сам исторический процесс механизмуется. Способ преодоления этой апории был предложен Кантом: необходимо отказаться от попыток достижения достоверного и абсолютного знания смысла истории, поскольку такое «знание» всегда в конечном счёте оказывается всего лишь очередным мифологическим мыльным пузырьком, лопающимся при каждом кардинальном изменении исторической ситуации, и ограничиться лишь *истолкованием* отдельных исторических эпох и

событий как возможных «знаков» общего хода истории, конечная цель которого остаётся для нас непостижимой.

Список литературы

1. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 8: О неудаче всех философских попыток теодицеи. – 718 с.
2. Mccreel, R. A. Imagination and Interpretations in Kant. The Hermeneutical Import of the Critique of Judgment. / R. A. Mccreel – Chicago and London; The University of Chicago Press, 1990. – 187 p.